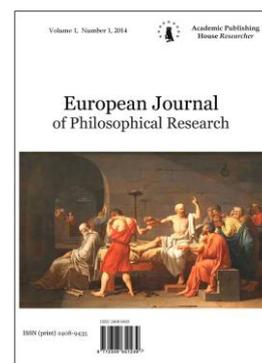

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2020, 7(1): 12-19

DOI: 10.13187/ejpr.2020.1.12
www.ejournal17.com

"Civilisations", "Modernization" and "Revolution" in the Legacy of Eisenstadt and Huntington

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the discussion of one of the key problems of civilizational discourse: are social modernizations and revolutions factors of civilizational dynamics? The great Fernand Braudel answered this question in the negative. In his opinion, even socio-economic and political upheavals and cataclysms, the change of ruling classes do not fundamentally change the nature of the ongoing development of the "country-civilization", immersed in a "long duration". But Sh. Eisenstadt proved the opposite. In his legacy, "modernization" and "revolution" are considered as immanent characteristics of civilizational development, significant factors in the evolution of civilizational states. In this context, he put forward and justified the hypothesis that it is unproductive to understand modernization only as modernity – a Western European type of socio-economic and political development. But this innovation of Eisenstadt for a number of reasons was underestimated in the civilizational discourse of the 20th century. And in particular – in the works of S. Huntington. It did not contain any theoretical innovations in the field of comparative study of civilizations, but was an attempt to revive the Western-centric scheme of world dynamics, to translate the Cold War model to the problems of the history of civilizations.

Keywords: state, ideology, modernity, modernization, revolution, transcendence, civilization.

1. Введение

Обозревая теоретические дискурсы, формирующие совокупное исследовательское поле социальных наук, следует обратить внимание на полисемантизм многих (если не большинства) понятий, используемых специалистами. В целом и главным эта многозначность употребляемых терминов вызвана дисциплинарным характером организации научного знания, а в пределах каждой научной дисциплины – конкуренцией научных программ и парадигм исследования, в ходе которой используемые понятия существенно меняют свое содержание. Прежде всего, это верно для так называемых междисциплинарных категорий («государство», «культура», «нация» и др.), к числу которых относится и «цивилизация». Попадая в теоретический контекст разных социальных наук этот термин используется экономистами, юристами, политологами и др. в разных значениях.

Ситуация осложняется тем, что и в рамках специальных, так называемых, цивилизационных исследований, термин «цивилизация» до сих пор не имеет единственной,

* Corresponding author

E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Yu.D. Granin)

общеупотребительной трактовки. Как и число трактовок понятия «культура», их количество уже давно перевалило за сотню, а список авторов, внесших весомый вклад в различные направления цивилизационных исследований, составил несколько десятков блестящих имен.

2. Основное содержание

В числе наиболее известных, заявивших о себе еще в первой половине прошлого века, – О. Шпенглер, Л. Февр, А. Тойнби, Ф. Бродель, Д. Уилкинсон и П. Сорокин, еще в 1961 году основавший (совместно с Тойнби и А. Кребером) Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций. Но консенсус между исследователями так и не был достигнут. И это, по-видимому, подвигло Сорокина выступить с обзорной статьей, подводившей итоги многолетнего изучения цивилизаций (Sorokin, 1966). В которой выдающийся социолог, в частности, доказывал, что понятие цивилизации продуктивно применять к «социальным общностям», не путая их с «культурными системами», время существования которых может длиться до нескольких тысячелетий и даже достигать подлинного бессмертия, вместе с тем претерпевая множество флуктуаций вследствие действия случайных процессов. «Крупные культурные системы, – писал Сорокин, – такие, как наука, великие философские системы, религия, художественная культура, этика, право, экономика и политика, но прежде всего выделяемые мной умозрительные, чувственные и интегральные культурные суперсистемы поистине бессмертны и могут претерпевать любое количество флуктуаций в процессах трансформации, упадка и возрождения». (Sorokin, 1966: 187).

Это и ряд других положений П. Сорокина были поддержаны и оспорены в последующей полемике, в центре которой вновь оказались ключевые проблемы цивилизационного дискурса: являются ли цивилизации целостными структурами или нет? Присущи ли им признаки системного единства? И допустимо ли жестко разделять культурные и социальные системы, рассматривая их как целиком независимые друг от друга и меняющиеся только по своим собственным законам? В процессе этого обсуждения совокупный цивилизационный дискурс обогатился новыми идеями (Примечание 1). Но одновременно, по мере утверждения представления о системном характере цивилизационных образований, теснейшей взаимосвязи их духовных и материальных компонентов, акцент обсуждения постепенно сместился в сторону компаративистского (сравнительного) изучения цивилизаций, вершиной которого к середине 1980-х годов стали работы американско-израильского ученого Шмуэля Айзенштадта.

Оценивая значение его творчества, исследователи единодушно отмечают вклад ученого в копилку исследований в области трех направлений: теории цивилизаций, теории революций и теории модернизации. Важно подчеркнуть, что *все три области исследований* в наследии Айзенштадта оказались связанными, на мой взгляд, его более общим пониманием истории человечества как многообразия путей цивилизационного развития, в контексте которого революции и модернизации рассматриваются как имманентные характеристики этого процесса. Вот как он сам об этом писал: «Такой подход ставит проблему революции в рамки сравнительного изучения цивилизаций – изучения, которым я занимался многие годы. Мое первое толкование этой проблемы было представлено в книгах «Политические системы империй» (N.Y.: Free Press, 1963) и «Политическая социология» (N.Y.: Basic Books, 1970), особенно во введениях к ним. Они имеют непосредственное отношение к сравнительному анализу, так же как более ранняя работа о модернизации «Модернизация, протест и изменения» Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966) и последующий том «Традиция, изменения и цивилизация Нового времени» (N.Y.: Wiley, 1973), в которых содержался далеко идущий пересмотр различных подходов к модернизации. Эти книги вызвали необходимость переоценки многих важнейших проблем социологической теории...» (Сравнительное изучение цивилизаций, 1999: 40-41). Поскольку наследие Айзенштадта основательно изучено, остановимся лишь на некоторых ключевых идеях его динамики цивилизаций, которую он изложил в работах «Социологический подход к сравнительному изучению цивилизаций» (Eisenstadt, 1982) и «Осевое время цивилизаций» (Eisenstadt, 1986), а затем продолжил в других работах (Примечание 2). Важно иметь в виду, что Айзенштадт не создал какой-то особой теории и типологии цивилизаций, но его работы стали важным вкладом в компаративистское

направление цивилизационных исследований, которое он осуществил в ходе анализа цивилизаций «Осевого времени» и «цивилизации Нового времени».

Одним из источников его концепции стала знаменитая работа К. Ясперса «Истоки истории и ее цель» (1949), в которой немецкий философ изложил свою «схему» всемирной истории, начало которой он датировал «осевым поворотом» или «осевым временем» – периодом «прорыва в историю», начавшуюся в сфере человеческого духа, отмеченного утверждением трансцендентного начала (Бог, Высший закон), выходящего за рамки посюстороннего мира и определенным образом влияющего на его судьбы. В этой связи следует обратить внимание на методологию построения Ясперсом своей *историософии исторического* процесса, основанием которой является предпосланная ей идея «единства исторической целостности». «Смысл же доступной эмпирическому познанию мировой истории – независимо от того, присущ ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми, – мы постигаем, только подчинив ее идее исторической целостности. *Эмпирические данные мы рассматриваем под углом зрения того, насколько они соответствуют идее единства или противоречат ей*» (Ясперс, 1991: 31).

Оттолкнувшись от этих идей, Айзенштадт переосмысливает «осевое время», интерпретируя его «как серию революций» в сфере идей и их институциональных оснований. Эта серия революций, охватившая цивилизации Древнего Израиля и Древней Греции, раннехристианский регион, зороастрийский Иран, раннеимперский Китай, индуистскую и буддийскую цивилизации, позднее и «мир ислама», способствовала, по его мнению, *возникновению представлений об исходном поле напряженности между трансцендентным и мирским порядками*, которые затем оформились как учения и привели к созданию общественных институтов.

Разумеется, в предшествовавших осевому времени языческих обществах существовали представления о внемирском порядке. Но этот порядок выглядел как продолжение мирского и большей частью связывался с циклическими и мифологическими представлениями о времени, в которых различие между прошлым, настоящим и будущим получали лишь слабое выражение. В цивилизациях «осевого времени», напротив, возникало представление «о четком отделении внемирского порядка от мирского, что сопровождалось и оформлением возвышенного трансцендентного нравственного или метафизического порядка, находящегося за пределами любой наличной посюсторонней или потусторонней реальности». Земной уровень бытия воспринимался как неполноценный, а зачастую как неправильный. Поэтому важнейшей целью поведения становится «спасение», достигаемое путем целенаправленных длительных усилий для снятия противоречия между трансцендентным и мирским порядками. Именно этот дуализм и связанное с ним духовно-интеллектуальное напряжение составило основу *нового онтологического мировоззрения*, вызвавшееся в появлении в «осевых» цивилизациях разных «духовных систем», основанных на осуществлении принципов более высокого морального и метафизического порядка, которые, в свою очередь, повлекли за собой радикальные перестройки «идеологической», «политической» и «социальной» сфер жизни.

В области идей это выразилось в формировании особых сфер знаний (философии, религии, метафизики, «естествознания» и т. д.), которые способствовали выработке новых представлений «об основных принципах организации общественной жизни, – прежде всего структуры общества в целом и его центральных институтов, а также и политической борьбы» за членство в этих институтах и занятие главенствующих постов в новых иерархиях: *«потенциально всеобъемлющих общностях с особыми критериями членства и авторитета»*. Эти новые общности обладали сложной иерархически выстроенной структурой составляющих их культурных, политических и этнических компонентов, формирование которой сопровождалось острыми идеологическими и политическими конфликтами. Их результатом, отмечает Айзенштадт, стало утверждение исключительности и закрытого характера новообразующихся коллективов, утверждение различий между внутренним и внешним социокультурным пространством.

Можно ли назвать такие – «потенциально всеобъемлющие» – общности «цивилизациями»? В пределах развиваемой Айзенштадтом концепции социальной и культурной динамики человечества и подчеркиваемой им связи этой динамики с политическими процессами и институтом государства такое отождествление не бесспорно,

но допустимо. Поскольку научная категоризация этого термина, как свидетельствует многолетняя практика его применения, всегда обусловлена теоретическим контекстом использования. Не случайно, что сам термин «цивилизация» у Айзенштадта не получил развернутого определения, но он рассуждает о «сложных обществах», формируемых в противоречивой интеллектуальной атмосфере «осевых революций». Поэтому рассматриваемые им «цивилизации» Осевого времени (времени, когда творили великие мыслители и пророки) выделяются на основе уже отмеченного *принципа возникновения поля напряженности между мировоззренчески выраженным трансцендентным и мирским порядками*, воплощение которого действительно можно обнаружить в иудаизме, заорастризме, буддизме, конфуцианстве, раннем христианстве и, позже, исламе.

Вот что об этом пишет сам автор, обсуждая феномен «идеологизации жизни», присущий, по его мнению, большинству обществ «Осевого времени»: «Как правило, он характерен для совершенно специфического типа цивилизаций, называемых «Осевыми» (Eisenstadt, 1986). Этим понятием мы обозначаем *цивилизации, сложившиеся в период с 500 гг. до н.э. до первых веков н.э., в рамках которых возникло и институционализировалось новое онтологическое мировоззрение, сформулировавшее концепцию фундаментального напряжения между трансцендентальным и мирским порядком*. Такое миропонимание утвердилось во многих регионах мира, а именно: в древнем Израиле, несколько позднее в иудейских и христианских обществах, в древней Греции, частично – Персии (зороастризм), Китае периода древних империй, в индуистской и буддистской цивилизациях и, за пределами собственно Осевой эпохи, – в зоне влияния ислама.

... Упомянутые идеи формулировались и развивались относительно новыми социальными группами, преимущественно интеллектуальными элитами, определявшими модели культурного порядка. В них входили иудейские пророки и священнослужители, греческие философы, «образованные» в Китае, индийские брахманы, буддийские сангхья, улемы в исламских странах. В своей деятельности они руководствовались идеей сотворения мира в соответствии с трансцендентальным образом или волей. *Результатом успешной институционализации трансцендентального мировоззрения стала трансформация внутренней структуры обществ и взаимосвязей между ними» (Айзенштадт, 1993b: 201. Курсив мой – Ю.Г.)*.

Таким образом, аргументирует Айзенштадт, новое мировоззрение (миропонимание), правозвестниками и распространителями которого были интеллектуальные элиты, стало фактором трансформации внутренней структуры многих сообществ и взаимосвязей между ними. Но было ли оно цивилизационнообразующим фактором? Судя по этой цитате, нет. Можно ли называть географические ареалы распространения иудаизма, христианства, индуизма, буддизма и т.д. «цивилизациями»? А если да, то, учитывая наличие в христианстве, буддизме, синтоизме, исламе и т.д. множества идейных течений, можно ли считать эти «цивилизации» едиными идейными комплексами, на что, кстати, обращал внимание П. Сорокин? Эти вопросы Айзенштадт «выносит за скобки». Но связывает социальную и культурную эволюцию человечества периода Осевого времени с появлением способности к «рефлексии», подчеркивая значительный территориальный ареал и межгосударственный характер распространения «осевых цивилизаций». Позже введя понятие «второй осевой революции» (1500–1800), он присовокупил к ним «цивилизацию Нового времени», знаменующую собой радикальный (секулярный) поворот в мировоззрении европейцев, уже иначе, но не менее напряженно продолжавших *поиски снятия противоречий* между понятийно выраженными трансцендентными и мирскими порядками, обычно завершающимися модернизациями и сопутствующими им революциями 17-20 столетий.

Так на волне идеи многовекторного развития истории, воплощенного в разнообразии множества «цивилизаций», в концепции Айзенштадта осуществился переход к новой теории модернизации и новой теории революций. Напомним, что господствовавшая в американской социологии в середине XX века (во многом благодаря таким фигурам, как Люсиан Пай, Толкотт Парсонс и Самюэль Хантингтон), теория модернизации в конце 1960-х была подвергнута резкой критике, вызванной несоответствиями положений теории наблюдаемым социальным процессам в модернизирующихся «странах третьего мира». Дискуссии затянулись на несколько лет. Окончательные коллективные похороны теории

модернизации в качестве социологической парадигмы состоялись в 1972 году на собрании Американской социологической ассоциации, где с кратким программным докладом «Теория модернизации, да упокоится с миром» выступил И. Валлерстайн, а чуть позже (1973) – Чарльз Тилли добавил масла в огонь своей знаменитой статьей «Порождает ли модернизация революции?». И Айзенштадт дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежним трактовкам модернизации как прямого переноса (трансфера) моделей европейского развития «периферийными обществами» Айзенштадт противопоставил многофакторную концепцию конвергенции институциональных и духовных структур этих обществ с «современностью», предполагающую сохранение их цивилизационной специфики. В значительной степени эта концепция стала результатом эмпирического обобщения ряда исторических попыток модернизации стран «второго эшелона» развития, в том числе и России. В итоге была обоснована гипотеза «множественных модернов», которая позже была поддержана и развита многими исследователями. Фактически это означало еще одно концептуальное обоснование многовариантности исторического движения по пути к современности. Предложение и проведение модернизации – своего рода «вызов» основанным на «больших» и «малых» традициях сложным обществам, на который разные социальные группы дают разные «ответы». Поэтому модернизация, подчеркивает Айзенштадт, всегда связана с движениями протеста, принимавшими в ряде случаев характер революций. *Революция как фактор цивилизационного развития (Айзенштадт, 1993а) – эта концептуальная новация Айзенштадта по ряду причин оказалась недооцененной в цивилизационном дискурсе конца 20 столетия.*

В значительной мере это было связано с изменением мирового порядка: появлением (после краха СССР и «мировой системы социализма») однополярного мира, оцененного и у нас, и на Западе как конец «эпохи революций» и повлекший за собой девальвацию самого термина «революция», наделив его негативными коннотациями. Этот термин почти исчез из отечественного научного дискурса: сводя счеты со своей прежней «философской совестью», многие отечественные обществоведы периода нашей «перестройки» и «демократизации» стали рассматривать «Великие революции» Франции и России в катастрофическом ключе, а сам термин из категории анализа исторического процесса трансформировался в оценочное суждение, приобретя хулигельный смысловой оттенок (Ерасов, 1999: 5).

На этом фоне значительное влияние в современной России приобрела сначала опубликованная в 1993 году в американском политологическом журнале «Foreign Affairs» («Международные отношения») статья Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», а затем (1996) ставшая бестселлером его книга «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (Хантингтон, 2006), оцененная некоторыми специалистами как геополитический трактат и возврат к прежней теории модернизации. Действительно, книга не содержала каких-либо теоретических новаций в области сравнительного изучения цивилизаций, а представляла собой попытку возродить западоцентричную схему мировой динамики, транслировать модель холодной войны на проблематику истории цивилизаций. Поэтому Хантингтон выделяет в них не то, что сближает цивилизации, позволяя им взаимодействовать и вести диалог, а те компоненты, которые способствуют им воспроизводиться как замкнутые миры: языки и религии. В этой связи проблематика цивилизационной самоидентификации выходит у Хантингтона на первый план, правоцируя на вывод об их неизбежном столкновении с Западом. Иллюстрацию этого «перенесенного внутрь» столкновения автор находит внутри США: нежелании ее латиноамериканского населения становиться частью североамериканской нации.

3. Заключение

Наделав много шума и вызвав к жизни самые разные оценки, работы Хантингтона и его ученика Ф. Фукуямы (одним из ответов на работу которого «Конец истории» стали труды Хантингтона), вместе с тем и спустя годы, до сих пор обсуждаются специалистами, стремящимися «переосмыслить» цивилизационную проблематику в свете «новых данных». К числу последних относятся «подъем исламского мира», Китая и массовые переселения инокультурных мигрантов в страны Евросоюза, Канаду и США. На этом фоне в пространстве цивилизационного дискурса активизируются попытки вернуться к «до-Хантингтону», одной

из которых может считаться серия из трех объединенных общей «цивилизационной» тематикой книг, вышедших в США, Великобритании и Канаде в период с 2010 по 2012 годы под общей редакцией профессора Питера Катценштейна (США). Посвящая этот триптих памяти С. Айзенштадта и С. Хантингтона, его авторы намеревались пойти дальше в углублении цивилизационной парадигмы, в том числе путем «преодоления западного либерального интернационализма и евроцентричной модели мира». Однако, как отмечает рецензент этих трех книг Б.Ф. Мартынов, этого не было сделано. Наоборот. За очевидной политкорректностью «просматривается замысел произвести на свет некую новую, подверстанную под «печальную» реальность несбывшегося «конца истории», слегка модернизированную версию той же самой модели» исторического развития, сохраняя «лидирующую роль за западной (протестантской, англосаксонской) системой в качестве некой надстроечной и вневременной «цивилизации модерна» (Мартынов 2012, web). С этим мнением следует согласиться, зафиксировав: наиболее интенсивные и плодотворные научные поиски в сфере цивилизационных исследований, завершившиеся созданием оригинальных авторских концепций цивилизаций, пришлось на прошлое столетие и с тех пор продолжаются с использованием тех теоретических наработок, которые были созданы великими философами, историками и социологами 20 века.

Примечания

1. Цивилизации было предложено рассматривать как преимущественно «городские сообщества» (Г. Чайлд, Д. Уилкинсон), как «системы формального знания» (Дж. Хорд), как «сеть взаимодействий (торговых, идейных, религиозных и др. – Ю.Г.), создающих пути и структуру общения и обмена, снимающих локальную ограниченность» (Д. Уилкинсон), как «воплощения общего мировоззрения» (Р. Максвелл) или как «организованную совокупность структурных и духовно-энергетических принципов, меняющих облик цивилизации» (В. Ковалис).

2. На русском языке опубликованы переводы сходных статей Ш. Айзенштадта. См.: Айзенштадт С.Н. Прорывы Осевого времени // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3; Айзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах. М., 1992; Айзенштадт С. Прорывы Осевого времени: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. М., 1995. С. 54-61.

Литература

Айзенштадт 1993a – Айзенштадт Ш.Н. Конструктивные особенности великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна, 93. Вып. 1. М.: Начала-Пресс, С. 174-189.

Айзенштадт, 1993b – Айзенштадт Ш.Н. Конструктивные особенности великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна, 93. Вып. 2. М.: Начала-Пресс, С. 190-206.

Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Что такое «глобализация?» // Высшее образование в России. 2007. №10. С. 116-121.

Гранин и др., 2018 – Гранин Ю.Д., Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Лебедев С.А. Научный метод: история и теория // Вопросы философии. 2018. №8. С. 213-2017.

Гранин 2020 – Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. №12. С. 34-44.

Мартынов 2012 – Мартынов Б.Ф. «Цивилизация модерна» против цивилизаций С. Хантингтона // Перспективы. Электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/civilizacija_moderna_protiv_civilizacij_s_khantingtona_2012-12-27.htm

Сравнительное изучение цивилизаций, 1999 – Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с.

Философия коммуникации, 2017 – Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета, 2017. 272 с.

Хантингтон, 2006 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, АСТ-Москва, 2006. 571 с.

Ясперс, 1991 – Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Eisenstadt, 1982 – Eisenstadt S. Sociological Approach to the Comparative Study of Civilizations. Jerusalem, 1982.

Eisenstadt, 1986 – Eisenstadt S. Axial Age Civilizations. N.Y., 1986.

Sorokin, 1966 – Sorokin P. Sociological Theories of Today. N.Y.; L., 1966. Pp. 177-204.

References

Aizenshtadt 1993a – Aizenshtadt, Sh.N. (1993). Konstruktivnye osobennosti velikikh revolyutsii: kul'tura, sotsial'naya struktura, istoriya i chelovecheskaya deyatel'nost' [Constructive features of great revolutions: culture, social structure, history and human activity]. *Al'manakh THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem. Vesna*, 93. Vyp. 1. M.: Nachala-Press. Pp. 174-189. [in Russian]

Aizenshtadt, 1993b – Aizenshtadt, Sh.N. (1993). Konstruktivnye osobennosti velikikh revolyutsii: kul'tura, sotsial'naya struktura, istoriya i chelovecheskaya deyatel'nost' [Design features of great revolutions: culture, social structure, history and human activity]. *Al'manakh THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem. Vesna*, 93. Vyp. 2. M.: Nachala-Press, Pp. 190-206. [in Russian]

Eisenstadt, 1982 – Eisenstadt, S. (1982). Sociological Approach to the Comparative Study of Civilizations. Jerusalem.

Eisenstadt, 1986 – Eisenstadt, S. (1986). Axial Age Civilizations. N.Y.

Filosofiya kommunikatsii, 2017 – Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty [Philosophy of communication. Theoretical and methodological aspects]. SPb: Izd-vo Politehnicheskogo universiteta, 2017. 272 p. [in Russian]

Granin i dr., 2018 – Granin, Yu.D., Gubanov, N.N., Gubanov, N.I., Lebedev, S.A. (2018). Nauchnyi metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. *Voprosy filosofii*. 8: 213-2017. [in Russian]

Granin, 2007 – Granin, Yu.D. (2007). Chto takoe «globalizatsiya?» [What is "globalization?"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 10: 116-121. [in Russian]

Granin, 2020 – Granin, Yu.D. (2020). «Tsvivilizatsiya» i tsvivilizatsionnaya evolyutsiya Rossii ["Civilization" and the civilizational evolution of Russia]. *Voprosy filosofii*. 12: 34-44. [in Russian]

Khantington, 2006 – Khantington, S. (2006). Stolknovenie tsvivilizatsii [The clash of civilizations]. M.: AST, AST-Moskva, 571 p. [in Russian]

Martynov 2012 – Martynov, B.F. (2012). «Tsvivilizatsiya moderna» protiv tsvivilizatsii S. Khantingtona ["Civilization of modernity" against the civilizations of S. Huntington]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. [Electronic resource]. URL: http://www.perspektivy.info/book/civilizacija_moderna_protiv_civilizacij_s_khantingtona_2012-12-27.htm [in Russian]

Sorokin, 1966 – Sorokin, P. (1966). Sociological Theories of Today. N.Y.; L. Pp. 177-204.

Sravnitel'noe izuchenie tsvivilizatsii, 1999 – Sravnitel'noe izuchenie tsvivilizatsii [Comparative study of civilizations]. Khrestomatiya. Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasov. M.: Aspekt Press, 1999. 556 p. [in Russian]

Yaspers, 1991 – Yaspers, K. (1991). Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]. M.: Politizdat, 527 p. [in Russian]

«Цивилизации», «модернизации» и «революции» в наследии Айзенштадта и Хантингтона

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обсуждению одной из ключевых проблем цивилизационного дискурса: являются ли социальные модернизации и революции факторами цивилизационной динамики? Великий Фернан Бродель отвечал на этот вопрос отрицательно. По его мнению, даже социально-экономические и политические перевороты и катаклизмы, смена правящих классов не меняют принципиально характер продолжающегося развития «страны-цивилизации», погруженной в «большую длительность». Но Ш. Айзенштадт доказал обратное. В его наследии «модернизации» и «революции» рассматриваются как имманентные характеристики цивилизационного развития, значимые факторы эволюции государств-цивилизаций. В этом контексте он выдвинул и обосновал гипотезу о непродуктивности понимания модернизации лишь в качестве *modernity* – западноевропейского типа социально-экономического и политического развития. Но эта новация Айзенштадта по ряду причин оказалась недооцененной в цивилизационном дискурсе 20 века. И в частности – в творчестве С. Хантингтона. Оно не содержало каких-либо теоретических новаций в области сравнительного изучения цивилизаций, а представляла собой попытку возродить западоцентричную схему мировой динамики, транслировать модель холодной войны на проблематику истории цивилизаций.

Ключевые слова: государство, идеология, модерн, модернизация, революция, трансцендентность, цивилизация.

* Корреспондирующий автор.

Адрес электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)